

ТЕТ-А-ТЕТ

насморк, не дай бог, не прилип. Кстати, это очень удобно — никто не подумает, что идет артистка. Так вот и тогда я, замотанная в пуховую шаль, в дугих сапогах, с сумкой через плечо — в общем, натуральная матрешка, — стояла на трамвайной остановке. Вдруг подходит ко мне молодой человек со словами: «Извините, я хочу с вами поговорить». Если бы я не видела его в студии, то, естественно, шарахнулась бы, но тут все-таки знакомый моего педагога... Николай начал объяснять мне свою идею, я заинтересовалась. Он говорит: «У нас тут машина есть, хотите, мы вас отвезем домой, а по дороге пообщаемся». Я согласилась. Подходим к машине, и я слышу слова Андрея, он, видимо, был у них главным экспертом по женской красоте: «Ты что, издеваешься над нами?! Кого ты привел?!» Ну, вроде как чучело увидел. Тем не менее я села в машину. «Ладно, — думаю, — домой хоть доедут». Пока мы ехали, они все выяснили про меня, и, главное, их интересовало, кто я по гороскопу. Определили, что характеры наши

сходятся. По-моему, их тогда меньше всего беспокоило, как я пою. Любопытно, что было бы, если бы у меня вообще голоса не оказалось или слух хромал? Ну, короче, мы обо всем договорились и на следующий день встретились дома у Коли. Тут уже ребята устроили настоящий худсовет — я им пела и по глазам видела, что им нравится. А когда пришла Колина жена, Саша Порталимов сказал: «Послушай, как человек кайфово поет»... Через день мы уже записывались на студии.

— Но зачем все-таки вы, рискуя своей учебной в студии, пустились в эту авантюру с маюзнаемыми маюдыми людьми?

— Мне очень интересно было попробовать. И я втихоря стала сотрудничать с ребятами. Они оказались людьми приятными, все были женатыми, с женами их я подружилась, так что никаких попользований в мою сторону никто из них не устраивал. Да и внешность у меня была такая, что ко мне... как бы правильно выразиться, не особенно-то и клеились. Со мной вроде только работать хорошо было... На всю

жизнь я запомнила тот морозный день, когда поехала на студию записать свою первую в жизни песню. Боялась так, как никогда ничего не боялась. Коля мне говорил: «Чего ты переживаешь, там же можно несколько дублей сделать». А я ничего не могла с собой поделывать, тряслась как в лихорадке. Но когда надела наушники... словно в невесомость провалилась, в космос. Классно. И песня еще такая красивая была: «Что ты грустишь, девчонка...» В общем, так мы и начали работать. Я обо всем рассказала Вайману, показала песню, ему понравилось... Вскоре нас пригласили на радио, помню, как вся моя семья сидела у приемника и слушала, замерев. А потом нашу группу показали по питерскому ТВ... Я ждала, что в студии мне всыпят по первое число, но как-то все обошлось, меня не уволили. Пожурили только: мол, вот еще петь не умешь, а уже в профессионалы рвешься. И вправду, ничегошеньки я не умела, но все как-то стало получаться — пошли выступления, гастроли, записи, альбомы...

Татьяна в кругу семьи: с 19-летней племянницей Юлей (студенткой факультета психологии), братом Валентином Ивановичем (капитаном 2-го ранга запаса), 14-летним племянником Алешей, мужем Николаем, мамой Ниной Павловной и сыном Сашей

— А как на этом фоне развивалась ваша личная жизнь?

— Знаете, невзирая на свой тогда еще совсем юный возраст, я все время была какая-то грустная, хотя особых поводов для печали не было. Может, оттого, что красавицей не была? Ну так я ничего и не делала для того, чтобы себя как-то приукрасить. По части влюбленностей мне не особенно везло — почему-то я постоянно влюблялась в тех, кто на меня никакого внимания не обращал. С другой стороны, если я кому-то нравилась, то мне этот человек был глубоко безразличен. Короче, все как-то не совпадало. И я все время переживала из-за чего-то, о чем-то мечтала, вела дневник... И вот встретил Колю. Он мне сразу понравился, с первого взгляда. Но он не был свободен, и я всеми силами скрывала свою симпатию. «Не дай бог семью разбить, — думала я, — никогда не буду даже пытаться строить свое счастье на чужом несчастье». И никто, тем более он,

